

Янтарная сказка

Автор:

Триш Мори

Янтарная сказка

Триш Мори

Соблазн - Harlequin #208

Эмбер Джонс, туристка из Австралии, отправилась в Стамбул по стопам своей прапрапрабабушки, не предполагая, что там судьба сведет ее с Кадаром, таким же экзотичным, загадочным и притягательным, как сам Восток. Удастся ли Эмбер проникнуть в тайну Кадара и разгадать загадку полуторавековой давности?

Триш Мори

Янтарная сказка

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Captive of Kadar

© 2015 by Trish Morey

«Янтарная сказка»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Кадар увидел ее на рынке специй – обычную туристку, прогуливавшуюся по древней площади Стамбула, славившейся своими специями, сушеными фруктами и множеством сортов чая. Так, еще одна туристка, пусть даже к этому прилагаются широко раскрытые голубые глаза, с детской радостью вззирающие на все вокруг, светлые волосы и красные джинсы, обтягивающие ее, как вторая кожа.

Его это не интересовало.

Исключительно из любопытства он замедлил шаг, когда она подняла фотоаппарат, чтобы снять палатку, увешанную стеклянными фонарями самых невообразимых дизайнов и расцветок. Владелец палатки, воспользовавшись этим, протянул ей тарелку с турецкими лакомствами – на пробу. Она поспешно отступила, бормоча извинения и качая головой, так что светлые локоны, выбившиеся из небрежного узла, затанцевали по спине. Однако тарелка двигалась за ней, взгляд продавца стал умоляющим: всего один кусочек.

Кадар застыл возле палатки напротив – не той, которую он обычно посещал. Но он сказал себе, что ему любопытно и нет никакой разницы, если он купит финики для Мехмета здесь. Сделав заказ, он оглянулся через плечо, чтобы увидеть, чья же воля в конце концов одержала верх – продавца или туристки. Торговец полностью завладел ее вниманием. Широкая улыбка не сходила с его испещренного морщинами лица. Он пытался заставить ее вступить в разговор, перебирая страны – как здесь было принято, – в попытке отгадать, откуда она. Из Штатов? Из Англии?

Женщина наконец уступила и сказала что-то. Кадар не расслышал, что именно, однако торговец одобрительно хмыкнул и с энтузиазмом заверил, что турки любят австралийцев. Она взяла кусочек с тарелки и поднесла к губам.

Далековато от дома, рассеянно отметил Кадар. Его внимание снова переключилось, когда он, расплачиваясь за финики, протянул крупную банкноту. Его попросили немного подождать.

Он не возражал: подождать немного было совсем не сложно. Тем более что рот женщины заслуживал внимания. Губы у нее были пухлые, четко очерченные, и на них по-прежнему играла тень улыбки, когда она отправила сладость в рот. Через мгновение улыбка заиграла в полную силу, голубые глаза восторженно расширились.

Улыбка отозвалась вспышкой желания в паху, а мысли Кадара потекли по другому руслу, напоминая, что у него уже давно не было женщины. И что он уже давно не испытывал соблазн.

Что ж, сейчас он его испытал.

Кадар огляделся, проверяя, нет ли с ней спутника, изучил женщину внимательным взглядом и убедился, что на ее куртке нет значка, указывающего на то, что она пришла сюда с туристической группой, готовой в любой момент увлечь ее за собой.

Похоже, она здесь одна.

Он может ее получить.

Уверенность Кадара проистекала из того факта, что его редко отвергали женщины, не связанные никакими обязательствами. Да и несвободные дамы частенько предлагали ему переспать с ними. В большинстве случаев он получал что хотел.

Улыбка по-прежнему освещала оживленное лицо незнакомки. Она была как луч солнца, как яркое пятно среди моря темных зимних курток и шарфов. И она была готова поддаться уговорам торговца и уже засунула руку в сумку.

Он ее получит...

И она будет стоять затраченных усилий.

О да, будет!

Кадар представил, как он медленно снимает с нее одежду. Неторопливо расстегивает молнию и освобождает ее от кожаной куртки, которая симпатично обрисовывает груди и обхватывает талию. После чего стягивает вызывающие красные джинсы с ее длинных ног. Всю остальную одежду ждет та же участь. Наконец она остается нагой в своем белокожем великолепии. Затем наступит очередь волос. Он распустит узел, и светло-медовые волосы упадут ей на плечи танцующими локонами, лаская отяжелевшие груди с затвердевшими сосками, жаждущие, чтобы он обхватил их ладонями.

Губы у нее будут сладкими, совсем как турецкие сладости, которые она пробовала, голубые глаза потемнеют от желания, а на влажных губах будет играть обольстительная улыбка, когда она потянется к нему...

Кадар видел все так ясно, словно это уже произошло.

Она будет принадлежать ему. Осталось только сделать шаг...

Незнакомка почувствовала, что за ней наблюдают. Ее взгляд упал на него, и он понял, что глаза у нее не просто голубые, они полны огня.

Неожиданно они потемнели. Она моргнула, потом еще раз. Кадар смотрел, как меркнет ее улыбка.

Время словно остановилось.

Торговец что-то сказал, и это отвлекло ее. Женщина снова моргнула и отвернулась. Покачивание головы... взмах рукой... и она почти бегом устремилась прочь. Разочарованный торговец недоумевал: как получилось, что покупательница, которая уже была у него на крючке, вдруг сорвалась с него?

Кадара деликатно постучали по плечу. Он получил сдачу с извинениями, что его заставили ждать.

Он отнесся и к тому и к другому точно так же, как отнесся к побегу этой женщины.

Философски.

Потому что он не был заинтересован.

По крайней мере, не до такой степени, чтобы забыть о Мехмете.

Кроме того, твердил себе Кадар разве что с легким уколом сожаления, он не искал женщину. И уж тем более не такую, которая сбегает со скоростью испуганного зайца.

За зайчишками пускай охотятся азартные юнцы.

К нему женщины приходят сами.

Что за чертовщина? Что это было?

Эмбер Джонс, ничего не замечая вокруг, чуть ли не спотыкаясь шла по рынку. Для нее все было словно в тумане. Звуки и краски, которыми она была покорена еще несколько минут назад, превратились в расплывчатое пятно. А все потому, что ее ослепил мужчина с золотисто-коричневой кожей и глазами, которые горели ярко, как костер в полночь.

Она взглянула на него не потому, что ощутила покалывание во всем теле. Нет, ее как будто насильно заставили повернуть голову, чтобы она перехватила взгляд, устремленный на нее. И выражение этих темных, знойных глаз окатило ее жидкой лавой. От горевшего в них обещания по спине пробежала дрожь.

Почему он на нее так смотрел?

И почему она прочитала в темной глубине его глаз слово «секс»?

Жаркий секс.

Просто сказалась усталость от перелета, решила Эмбер, перебрав все возможные объяснения. Она была вымотана. Ее тело совершенно справедливо ожидало, что она будет готовиться ко сну, как и было бы в Сиднее; но в Стамбуле время только приближалось к обеду. Неудивительно, что на рынке ей вдруг показалось слишком многолюдно и жарко.

Все, что ей нужно, – это свежий воздух. Прохладный бриз конца зимы охладит разгоряченную кожу и вернет свежесть уставшему от путешествия телу.

На улице Эмбер сняла шарфик и куртку и вдохнула полной грудью. Это слегка охладило ее, успокоило встревоженные нервы и уняло хаос в голове.

Вместе с облегчением вернулась способность логически мыслить, и она ощутила разочарование. В себе.

Как же обещание быть сильной и независимой, которое она дала себе, рискнув отправиться через полмира по следам своей прапрапрабабушки? Совершенно очевидно, что в ней по-прежнему жива прежняя Эмбер, избегающая риска. Иначе она не ударилась бы в панику от взгляда незнакомого мужчины.

Потому что на самом деле виной всему не усталость.

Виноват именно он, мужчина, чье лицо было словно нарисовано резкими штрихами искусным художником.

Мужчина, окруженный аурой спокойной властности и уверенности. Она почувствовала это даже на расстоянии.

Эмбер вздрогнула, и отнюдь не от прохладного воздуха. По какой-то непонятной, безумной причине ей вдруг захотелось тепла, навевавшего мысли о долгих ночах, наполненных жарким сексом. Как это могло случиться в течение какой-то секунды? За два года, что они были вместе с Камероном, ему ни разу не удалось вызвать в ней желание заняться сексом одним лишь страстным

взглядом.

Зато это удалось незнакомцу с рынка.

Разве такое возможно?

И все же... все же его глаза – горящие, завораживающие гипнотической силой – послали ей молчаливое обещание, опалившее ее жаром, и тело Эмбер все поняло на инстинктивном уровне и инстинктивно же на него ответило.

Обещание, натолкнувшее ее на мысли о всех запретных удовольствиях.

Наверное, неудивительно, что она сбежала.

Ибо что Эмбер Джонс знала о запретных удовольствиях? Камерон не особенно поощрял всяческие новшества в спальне. Или в любой другой комнате, если уж на то пошло. Бывало, он засыпал рядом с ней, а она лежала в темноте и недоумевала: неужели может быть по-другому?

Потому что, конечно же, должно быть по-другому.

Но стоило встретиться со взглядом незнакомца, обещающим больше, чем она до сих пор знала о сексе, и она сбежала.

Нет, она просто балда!

Проклятье!

Не в первый раз Эмбер желала стать сильной, независимой женщиной, какой, наверное, была прапрапрабабушка, в двадцать лет рискнувшая оставить дом в холмистых полях Хертфордшира и отправиться на поиски приключений к черту на кулички – на Восток. А ведь когда это было!

Вот это смелость...

Однако, снова натягивая куртку, названная в ее честь Эмбер поняла, почему она хотела сюда приехать. Стамбул оправдал все ее ожидания. Город, полный контрастов. С уходящей в глубь веков историей. Экзотический. Она не сомневалась, что получит удовольствие от пребывания в Турции.

В животе заурчало. Желудок напоминал, что она покинула хостел до завтрака, устав от хлопанья дверей. К тому же организм отказывался отдыхать, живя по австралийскому времени. Эмбер увидела тележку, с которой торговали хлебом, похожим на багеты, посыпанные кунжутом. Она решила перекусить, пока не подвернется что-нибудь более существенное.

Пока ее попку укладывали в пакет, к ней подошел сгорбленный старик, опирающийся на трость.

- Аглия? - спросил он, демонстрируя щербатую улыбку. Его коричневое лицо было обтянуто иссохшей кожей, похожей на пергамент. - Мерица?

- Австралия, - ответила Эмбер, уже привыкая к этому ритуалу.

Она понимала, что внешность и одежда выдают в ней иностранку, и это превращает ее в мишень для каждого уличного торговца.

Улыбка старика превратилась в доверительную усмешку, словно их объединяло нечто общее.

- Есть - мани. - Старик понизил голос до конспиративного, торжественного шепота, будто оказывая ей огромную услугу. - Дорого... нет.

Эмбер улыбнулась и покачала головой. Сэм, ее брат, собирал иностранные монеты, и она обещала ему привезти турецкую мелочь. Но иметь дело с подозрительным стариком не хотелось.

- Нет, спасибо. Не интересуюсь.

- Мани - старый. Троя.

Эмбер обрадовалась:

– Из Трои? Из самой Трои?

Это потрясающий сувенир для Сэма.

– Очень-очень старый, – закивал старик. Он потянул ее прочь от тележки с хлебом, что-то вытащил из кармана и медленно разогнул скрюченные пальцы. Она увидела тусклые монеты на его ладони. – Тебе – скидка.

Пока Эмбер рассматривала два маленьких диска, старик назвал цену, и она размышляла, действительно ли монеты из Трои, не станет ли переживать Сэм, окажись они подделкой. Но в любом случае монеты были ей не по карману. Ее скромный бюджет будет быстро исчерпан, если она начнет совершать импульсивные покупки в первый же день.

– Слишком дорого.

Стоило ей это сказать, как старик тут же снизил цену в два раза.

– Хороший цена. Маленький. Брать?

Соблазн боролся в ней с осторожностью. В пересчете на австралийские доллары цена, которую он запрашивал, в общем-то была небольшой. Наверное, она может позволить себе их купить, сэкономив на других сувенирах. Но...

Эмбер испытующе посмотрела старику в глаза:

– Как я могу быть уверена, что они настоящие?

Тот выслушал ее, нахмутив брови, а затем приложил руку к груди, словно она его оскорбила:

– Я сам находить внутрь земли. Пахать поле.

Вот в это Эмбер могла поверить. Руки у старика и впрямь были такие, словно полвека, а может, и больше, не знали ничего, кроме тяжелого физического труда. Его лицо, прокопченное солнцем, казалось вполне честным. И все же...

– Неужели никто не возражает, когда вы ищете монеты в местах археологических раскопок? Особенно если это всем известная Троя?

Старик слушал, кивая, но неизвестно, понял ли он что-нибудь из ее слов. Видимо, все же что-то понял, поскольку сказал:

– Монета много.

Морщин на его лбу прибавилось, и он снова снизил цену в два раза.

– Жалуста, моя жена... лекарства. Брать?

Похоже, зайчишка все-таки угодила в ловушку охотника.

Кадар думал, что ее давно и след простыл, но, оказывается, она еще здесь и разговаривает с каким-то стариком на другом конце площади. Ее красные джинсы рдели, как флаг, а светлые волосы сверкали даже в лучах неяркого зимнего солнца, и он снова ощутил шевеление в паху. Кадар был готов поспорить: если бы их взгляды снова скрестились, он увидел бы в ее глазах пламя сродни сжигавшему его огню.

Жаль, что она такая пугливая.

Кадар вызвал своего водителя и продолжал наблюдать за разыгрывавшейся сценой. Старик продолжал тянуть к ней руку, в то время как она изучала что-то на его ладони и задавала вопросы.

Старик покачал головой и бросил на землю то, что держал. Незнакомка наклонилась, чтобы поднять это. Красные джинсы соблазнительно обтянули ее ягодицы. Монеты, догадался Кадар и нахмурился. Ей не мешает осторожность.

Незнакомка чуть ли не с почтением подняла их и попыталась вернуть старику.

Тот не шелохнулся, настроенный завершить сделку. Кадар нахмурился еще сильнее, когда женщина пожала плечами, все еще сомневаясь, но все же взяла

монеты и полезла в сумку за кошельком.

«Ну все, попалась», – прокомментировал про себя Кадар.

Он одновременно увидел свою машину, лавирующую в потоке транспорта, и двух полицейских, которые ринулись к старику и доверчивой туристке.

Глава 2

Когда кто-то схватил ее за руку, Эмбер запротестовала: «Эй...» Подняв глаза, она увидела молодого мужчину в темно-синей униформе. Второй страж порядка удерживал старика. Тот растянул губы в улыбке, но в его глазах мелькнул страх.

Этот страх передался ей. Кровь Эмбер заледенела. Монеты из ее руки перекочевали к полицейским. После беглого, но внимательного осмотра и кивка одного из них монеты исчезли в небольшом пластиковом пакете.

Что за чертовщина тут происходит?

Полицейский что-то требовательно спросил у старика по-турецки. Тот тут же указал на Эмбер и быстро заговорил, проглатывая окончания слов.

– Это так? – обратился к ней полицейский. Он был суров, но, по крайней мере, задал вопрос по-английски. – Вы спрашивали у этого человека, где можно приобрести монеты, похожие на эти?

– Нет, я...

– Тогда зачем вы держали их в руке?

– Потому что он их уронил, а я подняла. Этот человек подошел ко мне и...

– Она врет! – вдруг выкрикнул старик, перебивая ее, и Эмбер с удивлением отметила, что в присутствии полицейских его английский претерпел

значительные изменения в лучшую сторону.

Последовал стремительный монолог на турецком, сердитый и гневный. Полицейские переводили взгляд со старика на нее, все больше хмурясь.

Хотя Эмбер не понимала ни слова, но интонаций старика, его жестов и мимики было достаточно. Похоже, она вляпалась во что-то очень неприятное.

– Вы должны мне поверить, – взмолилась она, когда старик умолк, а вокруг них начала собираться толпа.

Один из полицейских попросил у нее паспорт. Эмбер стала рыться в сумке, сердце отчаянно колотилось. Наконец ей удалось расстегнуть молнию на кармашке, в котором лежал паспорт.

– Вы отдаете себе отчет в том, что иметь дело с антиквариатом без специального разрешения противозаконно? Это серьезное преступление, – говорил полицейский, изучая ее паспорт.

Противозаконно...

Антиквариат...

Серьезное преступление...

Она подняла монеты, потому что ей это было сделать легче, чем старику, опирающемуся на трость.

– Но это не мои вещи.

– Противозаконно не только владеть ими, но также продавать и покупать.

Неужели она в самом деле вляпалась? Эмбер почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

Пока она пыталась подобрать слова, которые не усугубили бы ее положение, раздался еще один голос, перекрывший все остальные, – властный мужской голос.

Сердце Эмбер чуть не вырвалось из груди.

Он! Тот самый человек, который разглядывал ее на рынке.

Он положил руку ей на плечо, снова ослепив и оглушив. Она стояла, чувствуя тепло тяжелой руки, и на какое-то мгновение – безумное мгновение – у Эмбер мелькнула мысль, что он заявляет на нее права.

В какой-то момент старик перебил его. Незнакомец дал ему возможность выговориться, а затем вдруг сказал что-то, от чего старик сразу съежился, в его глазах заплескался страх, а полицейские нахмурились еще сильнее.

Несмотря на то, что сердце Эмбер стучало, как барабан, несмотря на зарождающуюся панику, которую пока еще удавалось сдерживать, она не могла не заметить, что голос незнакомца идеально ему подходит. Это был глубокий, красивый, сильный голос человека, способного заставить повиноваться ему. Но, похоже, сам он не замечал свою значимость, как не замечал свое черное кашемировое пальто. И вряд ли догадывался, что от его прикосновения тело женщины стало покалывать, словно в него воткнули тысячи крошечных иголок.

Эмбер задрожала, но в этот раз не от холода, а от охватившего ее пламени, танцующие язычки которого обожгли все ее интимные местечки и заставили чаще биться пульс.

Шум вокруг постепенно стихал, толпа потеряла интерес и начала расходиться. Хотя она оказалась в затруднительном положении, Эмбер почему-то чувствовала, как ее охватывает странное спокойствие, вызванное присутствием этого мужчины – того самого, от пристального внимания которого она сбежала всего несколько минут назад. Страх, только что переполнявший ее, сменился разгорающимся желанием.

Наконец решение было принято. Полицейские вернули ей паспорт, кивнули им обоим и увели с собой старика.

– Нам нужно пройти в полицейский участок, – сказал незнакомец, убирая руку с ее плеча, доставая телефон и тем самым давая понять последним зевакам, что «концерт окончен». – Вы должны написать заявление.

– Что случилось? – спросила Эмбер, которой уже стало не хватать тепла его руки. – Что вы им сказали?

Мужчина взглянул поверх ее головы, словно что-то выискивал.

– Только то, что я видел: старик подошел к вам, а затем вы наклонились и, насколько я понял, подняли монеты, которые он уронил.

– Он шел, опираясь на палку, – объяснила Эмбер. – Мне было проще поднять их, чем ему.

– Разумеется. Он намеренно поставил вас в такое положение. Вам трудно было бы доказать, что они не ваши или что вы не собирались их покупать.

– Я собиралась, – вздохнула Эмбер. – Я доставала кошелек, когда к нам подошли полицейские.

– Знаю, – отрывисто произнес мужчина. – А вот и моя машина, – сказал он, беря ее под руку. – Пойдемте.

Если бы это прозвучало как приглашение, а не как приказ... Если бы она знала, что он собирается взять ее под руку... Она приготовилась бы. Она сумела бы отказаться. Но он приказал и одновременно прикоснулся к ней своими длинными сильными пальцами, словно не только заявлял на нее права, но и утверждал свое доминирующее положение. Эмбер чувствовала: если она сядет с ним в машину, ее жизнь никогда не будет прежней. В ней что-то шевельнулось – смесь огня, желаний, бунтарского духа... и страха. Она настолько забылась, что уронила пакет с хлебом.

Он остановился, взглянул на нее и вскинул брови:

– С вами все в порядке?

Ей вдруг стало тяжело дышать, грудь сдавил стальной обруч.

– Я... – начала она, пытаясь найти причину отказа. – Я даже не знаю, как вас зовут.

Незнакомец склонил голову:

– Приношу свои извинения. Похоже, мы пропустили кое-какие формальности. Меня зовут Кадар Сохейл Амирмиез. К вашим услугам.

Она моргнула, ее тело по-прежнему сотрясала дрожь.

– У меня отвратительная память на имена, – призналась Эмбер и тут же пожалела, что вообще открыла рот.

Этот... Кадар... как его там... уверен, что она глупая туристка. Зачем давать ему повод думать, что она совсем безнадежна?

Но вместо пренебрежения, к которому Эмбер была готова, на его лице появилась легкая улыбка. Канавки в углах его губ стали глубже, в темных глазах появился непонятный блеск. До этого момента она видела лишь его экзотическую красоту, а теперь он стал по-настоящему опасен. Сердце ее екнуло.

И все равно она была рада, что они встретились, пусть даже при таких обстоятельствах.

– Можете называть меня просто Кадар. А ваше имя?

– Эмбер. Обыкновенная Эмбер Джонс.

– Не могу согласиться с тем, что обыкновенная, – произнес он глубоким голосом. – Приятно познакомиться.

Кадар наклонился и подобрал хлеб, который выпал из ее пакета на мостовую, просыпав семена кунжута, на которые тут же нацелилась дюжина глазастых птиц.

– Вряд ли вы теперь будете его есть, – заметил он, разламывая хлеб на куски и кладя их у мусорной корзины. К ним тотчас с яростным гомоном слетелись птицы. – Пойдемте. После того как вы напишете заявление, я приглашаю вас на обед.

А после него?..

Куда он ее пригласит после обеда? Туда, где сможет сдержать обещание, которое она прочитала в его глазах?

А может, она оглушена последними событиями и ей мерещится то, чего на самом деле нет?

– Вам не обязательно это делать, – сказала Эмбер, испытывая его. – Я и так отняла у вас много времени.

– Из-за меня вы лишились хлеба, – парировал Кадар, ведя ее к машине. Он открыл заднюю дверцу и замер, ожидая, когда она сядет. – Самое меньшее, что я вам должен, это обед, Эмбер Джонс.

По мнению Эмбер, Кадар ничего ей не был должен, но она не собиралась спорить. И сбегать тоже не планировала.

Потому что в этот раз она была готова рискнуть.

Только через два часа они покинули полицейский участок. Ресторан, куда ее пригласил Кадар, был недалеко, они пошли пешком.

Трамваи грохотали и звенели, заглушая все звуки, а когда их не было, слышались крики морских птиц, парящих в небе, а также разговоры на самых разных языках. А затем прозвучал призыв муэдзина на молитву. Эмбер уже немного привыкла к этому. Стаи птиц взлетели с купола Голубой мечети и закружили в небе.

И в эту минуту Эмбер осенило – ей повезло, что она свободна и может всем этим любоваться.

– Они могли бы обвинить меня, – размышляла она вслух.

Эмбер думала, что заявление – это простая формальность, на которую уйдет пять минут, ведь полицейские позволили ей добраться до участка самостоятельно. Она ошиблась. Похоже, в Турции очень серьезно относятся к преступлениям в сфере антиквариата.

– Я испугалась, что меня арестуют.

– Мне кажется или вы действительно разочарованы тем, что вам не предъявили обвинение? – Кадар поднял брови, бросив на нее быстрый взгляд.

Разочарована? Вот уж нет! Эмбер испытывала несказанное облегчение. Хотя следует признать, что она была несколько озадачена.

– Я не совсем понимаю, почему, когда вы вмешались, кстати, еще раз огромное спасибо, по реакции полицейских я поняла, что они склонны мне поверить. Но тем не менее в участке меня потрясли основательно.

Кадар пожал плечами:

– То, что вы совершили, иначе как глупостью не назовешь. Вам просто хотели внушить, что вы могли стать соучастницей серьезного преступления.

Эмбер не хотела, чтобы он считал ее глупышкой.

Лучше – желанной или сексуальной, какой она ощутила себя там, на рынке, когда их взгляды встретились.

– Я не знала, что существует запрет на покупку и продажу старинных монет.

– Мне кажется, любой турист должен сначала ознакомиться с законами, обычаями и культурными особенностями страны, в которой он хочет побывать.

– Но ведь монеты вполне могли оказаться подделкой!

– А вы готовы тратить деньги на подделку?

Эмбер фыркнула. Главным образом, потому, что ей нечего было возразить. И ей не нравилось, что она вынуждена оправдываться. И Кадар ей тоже вдруг разонравился. Потому что был прав.

В обычной ситуации, будь у нее до отъезда несколько месяцев, она действительно поступила бы так, как он говорил. Но идея побывать в Турции возникла у Эмбер спонтанно, меньше двух недель назад. Запланированный отдых на Бали накрылся, и ей пришлось решать: либо остаться дома, либо потратить компенсацию за неиспользованную путевку на поездку сюда.

Вообще-то мысль о Турции не возникла из ниоткуда. Эмбер наткнулась на дневник своей прапрапрабабушки лет десять назад, когда помогала матери разбирать вещи в старом доме бабушки и деда в Англии. Та с волнением писала о предстоящей поездке в Константинополь. Кроме того, Эмбер обнаружила симпатичный браслет, завернутый в ткань и спрятанный на дне сундука на пыльном чердаке. Часть страниц в дневнике отсутствовала, поэтому Эмбер не знала, как на самом деле прошло ее путешествие, а что осталось, с трудом можно было разобрать. Но одно пожелание молодой женщины, жившей в далеком прошлом, выведенное чернилами на первой странице, – следуй зову сердца – запало ей в душу.

Либо потому, что ее звали так же, как прапрапрабабушку, либо потому, что энтузиазм Эмбер Брейтуэйт оказался заразительным, желание побывать в экзотической столице росло.

Камерон решил, что она сошла с ума.

– Зачем тебе туда ехать? – не понял он. – До Бали и ближе и дешевле.

– Никто не ездит на Бали в январе, – возразила она. – В это время там слишком влажно.

– Верь мне, – сказал он, и к своему стыду она не только отсрочила исполнение своей мечты, но и верила ему. До того момента, пока, вернувшись с работы пораньше, не обнаружила его в постели со своей так называемой лучшей подругой.

Так называемая лучшая подруга умоляла простить ее, клялась, что больше это не повторится, потому что Камерон в постели не так уж хорош.

Что ж, спасибо.

Эмбер поняла: настало время следовать зову сердца. Но она не должна ничего объяснять этому мужчине.

– Может, у меня не было времени, – улыбнулась она, отказываясь вспоминать, как сильно была задета этим двойным предательством.

Неделя ушла на то, чтобы шок и жалость к себе сменились гневом, поэтому поездка в Стамбул, куда Камерон, возможно, никогда не решился бы отправиться, стала для нее вполне естественным шагом.

Вот почему у нее не было времени изучить, что нужно опасаться туристу в Турции и к чему быть готовым.

Для нее было достаточно, что она, наконец, осуществила свою мечту побывать в стране, покорившей сердце ее прапрапрабабушки.

– К тому же, мои мысли могли быть заняты другим, – добавила она.

– Могли, – согласился Кадар.

Однако по его тону чувствовалось, что он подозревает одно из двух: либо она не дала себе труда подумать, либо ей вообще все равно, какие законы она может нарушить в чужой стране ради достижения своей цели.

Эмбер стиснула зубы. Когда именно желание, которое она до этого ясно видела в его глазах, пропало? В шумном и жарком полицейском участке? Или когда призналась, что была готова купить монеты? Но разве так уж важно, что он о ней думает? Вероятно, она его больше никогда не увидит. Так почему это должно ее волновать?

Но почему-то волновало.

– Удивлена, что вы рискнули пригласить меня на обед, точнее рискнули показаться вместе со мной, учитывая мою склонность делать глупости.

У Кадара хватило наглости рассмеяться:

– О, я знаю, больше вы не совершите ничего предосудительного.

– Почему вы в этом уверены? Вы совсем меня не знаете. И даже не представляете, на что я могу решиться в следующий момент.

– Учтите, вас отпустили из участка не просто так.

– Что это означает?

– Я слышал их разговор. Они обсуждали, не попробовать ли на вашем примере отвадить других туристов от подобных сделок. Симпатичная молодая туристка, обвиненная в торговых сделках с предметами старины, – это должно привлечь внимание мировой прессы.

Эмбер задохнулась. До того момента она пребывала в блаженном неведении, не подозревая, какая серьезная опасность ей угрожала.

– И что же заставило их отказаться от этой мысли?

– Завтра вы должны поехать на экскурсию по стране?

– Да. Вы же слышали, как я говорила об этом полицейским.

– Я сказал, что до отъезда гарантирую ваше безукоризненное поведение. И пообещал также, что у полиции больше не появится к вам претензий, потому что я отвечаю за вас.

Он отвечает? Эмбер остановилась.

– Вы так им сказали? А кто вы такой? К вашему сведению, я способна сама отвечать за себя. Мне не требуется нянька, тем более если это мужчина, с

которым я только что познакомилась!

Кадар спокойно выслушал ее тираду.

– Неужели вы предпочитаете быть обвиненной в преступлении и изнывать в турецкой каталажке?

Он взял ее за руку, так что Эмбер даже запротестовать не успела – вообще ничего не успела сделать, – и буквально потащил за собой по оживленной улице.

Она ненавидела его – за самоуверенность.

Ненавидела – и не могла справиться с волнением из-за того, что оказалась близко к нему.

Слишком близко...

Эмбер чувствовала близость Кадара всем телом – от плеч и до бедер. Каждый шаг усиливал это ощущение, заставляя одежду потрескивать, словно между ними пробегал электрический разряд, а охвативший женщину огонь разгорался все ярче.

Возбуждение боролось в ней с негодованием.

– Значит, вы собираетесь обедать со мной, повинуюсь долгу?

Кадар подошел к краю тротуара, остановился и повернул ее лицом к себе.

– Я серьезно отношусь к своим обещаниям. Я сказал, что позабочусь о том, чтобы вы больше не влипли в неприятность, пока находитесь в Стамбуле, и сдержу слово. – Его тон заставил Эмбер снова ощутить исходящую от него опасность. Не сводя с нее пристального взгляда, Кадар вдруг поднял руку, дотронулся до ее щеки и провел по ней пальцами. Неожиданная ласка была столь же нежной, сколь и электризирующей. – Но кто сказал, что за долги нельзя расплатиться удовольствием? Подозреваю, что наше совместное времяпрепровождение может доставить наслаждение нам обоим, если вы того захотите.

Дрожь, зародившаяся в скулах, которые ласкали его пальцы, охватила все тело Эмбер, добравшись до кончиков пальцев ног. Окотившая ее жаркая волна не оставляла сомнений, о каком удовольствии идет речь.

Неожиданно Кадар пожал плечами и убрал руку.

– Но если вас не заинтересовало это предложение, моя обязанность будет заключаться лишь в том, чтобы не дать вам угодить в неприятную ситуацию, до тех пор пока вы не присоединитесь к своей туристической группе. Преследовать вас я не собираюсь, потому что соблазнять женщин, которые не хотят того же, что и я, не входит в мои привычки.

Эмбер наконец очнулась. Щеку покалывало от прикосновения Кадара, который предлагал ей то, чего еще никогда и никто не предлагал.

– Так как, Эмбер Джонс? – ворвался в ее смятенные мысли его голос. – Что вы решили? Долг или удовольствие?

Всю жизнь Эмбер делала то, что считалось правильным, была благоразумна и избегала риска, как огня. Всю жизнь она была сознательной и ответственной.

И чем все закончилось?

Она стала встречаться с Камероном, поскольку рассудила, что это безопасный вариант, а что в итоге?

Кровь ее закипела от перспективы, которую предлагал этот мужчина. А если быть честной, она кипела с того самого момента, когда на рынке специй Эмбер обнаружила, что он наблюдает за ней.

Бог мой, ведь она в Стамбуле, полном контрастов, экзотическом Стамбуле, и от старой жизни ее отделяют тысячи миль! Но все равно, разве не безрассудно принять его предложение? Провести ночь с незнакомцем в чужой далекой стране – чистой воды авантюра.

Но, может, иногда стоит позволить себе побыть другой, более смелой? Она всего лишь рискует лишиться душевного покоя и остаться с разбитым сердцем. Но

разве это возможно после одной-единственной встречи? Ее прапрапрабабушка была отчаянной особой, если отправилась в такую поездку, да еще в те времена. Сердце женщины забилося чаще. Разве не в ее жилах течет кровь той Эмбер?

Она взглянула на мужчину с золотисто-коричневой кожей и темными, знойными, как жаркая летняя ночь, глазами и ощутила какое-то непонятное томление в груди. Если она снова проявит благоразумие, то всю оставшуюся жизнь будет сожалеть о том, что побоялась рискнуть.

Ее ответ прозвучал раньше, чем она успела взвесить все еще раз:

– С удовольствием.

Его глаза опалили ее темным огнем, губы растянулись в одобрительной улыбке. Кадар сжал ее руку:

– Так тому и быть.

Кадар улыбался про себя, ведя Эмбер к ресторану.

Пугливая зайчишка оказалась не такой уж пугливой. Из двух предложенных вариантов Эмбер выбрала наслаждение. Он не прогадал, решив потратить на нее усилия и время.

Впрочем, это не означает, что он ей верит. По ее словам, она ничего не знает об обычаях и традициях страны, в которую приехала, не говоря уже о законах. Но какой иностранец, пойманный с поличным, признается, что шел на преступление с открытыми глазами? Хотя... какая разница: верить ей или нет? Все, что ему нужно, это выполнить взятое на себя обязательство и не позволить ей нарушить закон до завтра. Засим – до свидания.

Кстати, удерживать ее подальше от уличных торговцев будет совсем нетрудно, если учесть, что у него на уме.

Ее светлые локоны завораживающе подпрыгивали и танцевали на ветру, кожаная куртка задевала рукав его пальто, а слегка повернув голову, Кадар

уловил легкий цветочный аромат духов Эмбер. Вообще-то раньше он такие ароматы не жаловал, предпочитая горьковатые, мускусные, пряные запахи, присущие искушенным женщинам, которые хотели получить от секса то же, что и он. Однако Кадар был вынужден признать, что он ей подходит – аромат невинности с намеком на чувственность. Как обещание тому, кто сумеет его распознать.

Да, ему определенно нравится это сочетание.

Кадар улыбнулся. Если бы друзья могли видеть его сейчас, они посмеялись бы. Они предупреждали, что следует быть осторожнее и не испытывать судьбу. Он вспомнил, когда они в последний раз собрались все вместе на свадьбе Бахира. «Ну и кто следующий? – посмеиваясь, спросили Золтан и Бахир. – Кто следующий станет жертвой? Кадар или Рашид?»

Тогда Кадар и Рашид одновременно указали друг на друга и расхохотались.

Не верилось, что оба этих закоренелых холостяка когда-нибудь последуют этой настораживающей традиции. Золтан женился на принцессе Аише, чтобы обеспечить безопасность своему королевству Аль-Джирад, а Бахир помирился с сестрой Аиши и своей прежней возлюбленной Мариной. Оба брака были неизбежны, хотя прежде невозможно было и представить, что они не станут откладывать женитьбу в долгий ящик.

Что ж, прошло три долгих года после свадьбы Бахира. Кадар не знал, как обстоят дела у Рашида, но сам даже в мыслях от брака далек был как никогда. И не видел причины, почему должно быть иначе.

Четверо мужчин были больше, чем кровные братья. Они познакомились, когда учились в университете в Штатах и, включая Мехмета, стали для Кадара настоящей семьей. Другая ему была не нужна.

Кадар не испытывал потребность следовать примеру друзей, обменявших свободу на брачные цепи. Брак – для людей, которые созрели для этого. Для тех, кто хочет создать свою семью. Но он был одинок с шести лет и пока вполне доволен своей жизнью. Едва ли что-то в ближайшем будущем заставит его изменить свое мнение, тем более женщин, с которыми Кадар встречался, вполне устраивало, что он им предлагал. Друзья могут думать все, что им

заблагорассудится, но если кто и соберется жениться, это точно будет не он.

Женитьба в планы Кадара не входила, и уж тем более на женщине, которую он спас от полиции.

Вряд ли он искушает судьбу, собираясь провести с ней ночь.

Она просто хорошенькая туристка, мимолетная гостья Стамбула.

Лучше и быть не может.

Глава 3

Запах жареного мяса и еще дюжины две соблазнительных ароматов возбуждали аппетит, и Эмбер на несколько секунд забыла, что только что приняла приглашение провести ночь, предаваясь плотским утехам.

– По-моему, я умираю от голода, – заявила она.

Их проводили на второй этаж к столику у окна.

Эмбер выглянула – и от открывавшегося отсюда вида захватило дух. С одной стороны виднелся купол Айя-Софии, а с другой – минареты Голубой мечети.

Впрочем даже такие достопримечательности не могли сравниться с великолепием сидящего напротив нее мужчины. Эмбер влекла его восточная красота, темные, обжигающие огнем глаза, обрамленные длинными ресницами. И не просто длинными, но и невероятно густыми, каким могла бы позавидовать любая женщина. Подошедший к ним официант с улыбкой приветствовал Кадара.

Эмбер расстегнула молнию на куртке, сняла ее и положила на стул рядом с собой. Вслед за курткой туда отправился шарф. Из растрепанного узла волос выпали отдельные пряди. Неожиданно подняв глаза, Эмбер поймала следящий за ней взгляд Кадара. Его лицо было сосредоточенно-непроницаемым, и ее тут

же бросило в жар.

– Что-то не так? – смешавшись, нерешительно спросила она.

Все было так. Все двигалось именно в том направлении, какое он наметил. Единственным исключением было то, что не он раздевал Эмбер, а она раздевалась перед ним. Как бы то ни было, Кадар остался доволен тем, что скрывалось под курткой.

Да, ему все очень нравилось.

Ее груди виднелись в глубоком вырезе топа, намекая на свою тяжесть. Кадар ощутил почти болезненное желание провести рукой по ее телу. Ему казалось, что он уже ласкает ее изгибы: округлую грудь, тонкую талию и потом бедра.

Скоро, совсем скоро...

Принесли заказ. Кадар поднял бокал, сумев улыбнуться Эмбер, несмотря на некомфортное ощущение, вызванное растущим возбуждением.

– Все правильно, – сказал он, любуясь тем, как узел ее волос постепенно съезжает набок, высвобождая все новые и новые пряди. Они обрамляли лицо женщины, танцуя и вспыхивая пламенем в лучах солнца, когда она поворачивала голову. Колдунья. Как просто будет провести с ней ночь.

Всего одну ночь.

И это гарантированно убережет ее от неприятностей. Она будет так занята в постели, что у нее просто не останется времени. А утром он вручит ее руководителю туристической группы, поблагодарит за прекрасную ночь, пожелает всего наилучшего, попрощается и продолжит жить своей жизнью. И если она снова попадет в поле зрения турецкой полиции, это будет уже не его забота.

Лучше и быть не может.

– Честно говоря, – добавил Кадар с особой улыбкой из своего арсенала, перед которой, как ему было известно, ни одна женщина не могла устоять, – я не мог бы желать большего, исходя из того, как все складывается.

От его слов, а главное, от интонации по телу Эмбер побежали мурашки, от проникновенного взгляда и ленивой сексуальной улыбки, которая не оставляла сомнений в том, что ее ждет чувственный пир, какого она еще не знала, женщину охватила слабость.

Да, она хотела стать смелой, бесстрашной и уверенной в себе, как прапрапрабабушка, но пока еще дыхание у нее перехватывало, а голова кружилась.

Это казалось невозможным, но улыбка Кадара стала еще чувственнее, еще сексуальнее, а глаза превратились в темные колодцы, в омуты, способные затянуть ее.

– Я лишь надеюсь, – негромко произнес он, – что у вас хороший аппетит.

Нотка в его голосе подсказала, что имеется в виду вовсе не обед. Эмбер сглотнула. Она чувствовала себя чуть ли не голой. Поддерживать легкий разговор с этим мужчиной было непросто. Она словно очутилась в пенистом круговороте, не чувствуя дна, и отчаянно барахталась, сражаясь с течением, едва успевая глотнуть воздуха во время краткой передышки, перед тем как накатила очередная волна.

– Волчий, – выдавила Эмбер и вдруг поняла, что тоже говорит не об обычном голоде.

Кадар показал на ее тарелку:

– Прошу, приступайте. Приятного аппетита!

Эмбер тут же ухватилась за спасительную соломинку. Она быстро поняла, что явно переборщила с заказом. Перед ней стояло столько еды, что хватило бы на целый день: красный перец, фаршированный мясом и рисом, курица с бамией и еще пара блюд. Она с готовностью забыла бы про вкусную еду и удовлетворила

бы не менее сильный голод другого рода, если бы Кадар предложил это. Но не попробовать то, что ей подали, значит, проявить неуважение.

Поэтому Эмбер взяла вилку и приступила к трапезе. И невольно закрыла глаза, когда она ощутила божественный вкус.

- Неплохо? - поинтересовался Кадар.

Эмбер открыла глаза и увидела устремленный на нее взгляд. Он обжег ее и сразу же напомнил тот первый взгляд, когда их глаза встретились на рынке специй.

- Неплохо? Потрясающе! - ответила она, снова смешавшись.

Еще никогда мужчины не смотрели на нее так.

- Не смущайтесь. Мне нравится, что вы открыто выражаете чувства, особенно когда вам что-то нравится. Это о многом говорит.

В горле у нее неожиданно стало сухо. Эмбер сделала глоток воды, не в силах отвести глаза, и только потом спросила:

- И о чем именно это говорит?

Кадар пожал плечами и откинулся на спинку стула.

- Вы страстная женщина, потому что не стесняетесь выражать свои чувства по поводу того, что доставляет вам удовольствие. Мне это нравится.

Эмбер словно окатило горячей волной. Ей еще никто такого не говорил. Более того, она впервые услышала, что, оказывается, она страстная. Эмбер не помнила, чтобы в словарном запасе Камерона было такое слово.

Хотя прежняя жизнь не научила, как на это ответить, она точно знала, что делает сейчас мужчина, сидящий напротив. Он соблазняет ее, пробуждает в ней желание.

– Кто вы? – вырвалось вдруг у нее.

Эмбер отложила вилку. Единственный способ, который поможет ей удержаться на поверхности этого штормового моря и не утратить способность дышать, – это не позволить ему доминировать в разговоре, попробовать – хотя бы попытаться – быть с ним на равных.

Кадар слегка поднял брови:

– Я уже представился.

Эмбер кивнула:

– Помню, но это не ответ на мой вопрос. В полицейском участке вы узнали обо мне, можно сказать, все, по крайней мере главное. Вам известно, где я живу, когда родилась, чем занимаюсь, в то время как я знаю только ваше имя.

– Значит, только главное? – лукаво усмехнулся Кадар, продолжая ласкать ее взглядом. – Любопытно, что же вы в таком случае утаили?

– Прекратите! – задыхаясь, взмолилась Эмбер.

На его лице отразилось искреннее недоумение.

– Что?

– Смотреть на меня так...

– Как именно? Эмбер сердито нахмурилась и повела плечами.

– Словно... гладите, – неохотно проговорила она.

Губы Кадара снова тронула ленивая улыбка, и он медленно произнес:

– Кошки и женщины. По-моему, и те и другие созданы для того, чтобы их гладили.

Эмбер вздернула подбородок, улыбнулась и промурлыкала:

– Соглашусь с вами. Кошки, как и женщины, любят, когда их гладят, но как только это им надоедает, они выпускают коготки.

Эмбер не сомневалась, что Кадар не оставит последнее слово за ней в их словесной дуэли. Но она не ждала, что он откинет голову назад и рассмеется. Глубокий, приятный смех застал ее врасплох, и она поняла, что он по-прежнему остается хозяином положения.

Уверенность этого мужчины в себе граничила с самоуверенностью. К тому же он был хорош собой и, судя по дорогой одежде, обеспечен финансово, а значит, мог позволить себе жить по своим законам, не считаясь с условностями. Какой же он любовник, если даже от одного его взгляда кровь вскипает?

Кадар посмеивался, а по ее телу пробегала сладостная дрожь, и она понимала, что наслаждается его смехом.

– Я не ожидал, что получу столько удовольствия от обеда, а мы ведь только к нему приступили, – наконец сказал он. – Что вы хотите обо мне знать?

– Что вы сами захотите рассказать. Вы не турок, правда? Хотя внешне вы мало отличаетесь от здешних уроженцев, что-то подсказывает мне, что вы не турок. Я могу ошибаться, но говорите вы тоже как-то иначе.

Кадар поднял бровь:

– Вы не ошиблись.

– И все-таки полицейские не возражали, когда вы вызвались за мной присмотреть. Почему вашего слова для них оказалось достаточно?

– Может, им известна моя репутация?

Эмбер нахмурилась:

– Тогда они должны знать, кто вы. Итак, кто вы?

Кадар, как и она, забыл про остывающий обед.

– Бизнесмен. У меня здесь есть свои интересы.

– Какого рода интересы? – не отступала Эмбер.

– Поддерживаю кое-какой бизнес, только и всего, – по-прежнему уклончиво ответил он.

– Ковры?

– Возможно.

– Живете вы в Турции?

– Время от времени. Иногда в другом месте.

Эмбер решила не сдаваться, хотя вытягивать из него информацию приходилось клещами.

– Где именно? Может, у вас есть жена и дети в этом «другом месте»? Несколько жен?

Он снова рассмеялся:

– Нет ни жены, ни жен, ни детей. И пока мне не нужны ни те ни другие. Вы закончили допрос?

Эмбер решительно помотала головой. Она почти ничего не выяснила.

– Так откуда же вы, мистер Кадар, если ваш дом не в Турции?

– Вам это так важно? – отшутился он. – Я здесь, с вами. По-моему, это самое главное.

– Если вы ожидаете, что я буду с вами спать, – заявила раздосадованная женщина, – думаю, у меня есть право кое-что о вас узнать.

Его глаза полыхнули огнем.

– Прошу прощения, но я не ожидаю, что вы будете спать.

Эмбер вспыхнула, наверное, всем телом.

Спать она не будет.

Потому что...

Эмбер моргнула и опустила глаза на тарелку, не в состоянии выдержать его пылающий взгляд, в котором вспыхивали лукавые искорки. Она взяла вилку и принялась ковырять фаршированный перец, который был немногим краснее ее пылающих щек. Если все пойдет по такому сценарию, ей понадобится много сил.

И в то же время Эмбер продолжала размышлять, стоит ли продолжать разговор или признать свое поражение? Она уже согласилась провести с Кадаром ночь, так что, в самом деле, какая разница, откуда он родом? Разве это может что-нибудь изменить?

– Мне нравится турецкая еда, – сказала Эмбер, решив сменить тему, и чуть не скривилась, услышав свой слабый, как мяуканье новорожденного котенка, голос. Самое унижительное заключалось в том, что она не могла ничего с собой поделать.

– Не буду вам мешать наслаждаться ею, – вежливо откликнулся Кадар.

Эмбер вздохнула и постаралась сосредоточиться на еде, хотя ее мысли упорно сбивались на то, как тонко соблазняет ее этот человек, заставляя кровь жаркой волной приливать к потаенным интимным местам.

Да, непросто наслаждаться вкусными блюдами, когда напротив сидит мужчина с внешностью бога, а впереди их ждет секс, и предвкушение витает в воздухе.

Непросто, когда ни к чему не обязывающий разговор полон скрытого смысла и сопровождается жаркими взглядами.

Их пальцы соприкоснулись, когда они одновременно потянулись к корзиночке с хлебом, и Эмбер словно ударило током.

Она отказалась от десерта, поэтому Кадар заказал для них кофе. Эмбер удалось впихнуть в себя почти всю еду – не пропадать же ей! – но даже приятной тяжести в желудке оказалось недостаточно, чтобы она смогла расслабиться. Наоборот, молодая женщина чувствовала себя как на иголках и была напряжена. «Что теперь?» – крутилось у нее в голове.

Словно почувствовав, что ее нервы натянуты до предела, Кадар взглянул на часы:

– Готовы?

По ее спине прокатилась горячая волна. Почему ей кажется, что он спрашивает, готова ли она ускорить наступление ночи? Готова к сексу?

Эмбер читала в его глазах, что он представляет ее в постели, обнаженную, трепещущую от его ласк... И ей стало казаться, что она видит спальню Кадара: окна с колышущимися от ветра портьерами какого-нибудь благородного цвета, широкую кровать, застеленную покрывалом, расшитым золотыми нитями...

Она ответила честно:

– Думаю, да.

– Тогда нам пора. По пути ко мне (я живу неподалеку) мы можем захватить ваши вещи.

– Зачем? – не поняла она.

– Мне кажется, вам так будет удобнее, принимая во внимание, что завтра утром мы расстанемся.

Она прикусила губу и нерешительно кивнула:

- Полагаю, вы правы.

Эмбер недоумевала, как Кадар может думать о таких обыденных вещах, когда она мысленно уже была в его спальне, предвкушая незабываемую ночь. Впрочем, наверное, для него привычно приглашать к себе незнакомку. Для нее этот день необычен, а для него – в порядке вещей.

Вряд ли эта мысль порадовала ее, если бы она собиралась завязать с Кадаром серьезные и более-менее продолжительные отношения. Но после предательства Камерона Эмбер этого не хотела. Одна ночь, конечно, не идеальный вариант, но все же предложение Кадара отвечало ее желаниям. К тому же она чувствовала, что с ним может позволить себе воплотить все самые потаенные фантазии, хотя бы на одну ночь стать соблазнительницей, роковой женщиной.

Да, одной ночи будет достаточно.

Тем более что Кадару от нее нужно именно это – о чем он предупреждал с самого начала. Почему он захотел ее, наверное, останется тайной, но Эмбер была благодарна ему за честность. Именно честности ей не хватало в серьезных, как она думала, отношениях с Камероном, а вот лжи и предательства оказалось с избытком.

Эмбер встала и потянулась за курткой, но Кадар опередил ее и даже помог надеть. Она оглянулась и увидела на его губах блуждающую улыбку и черные язычки пламени в глазах, словно он догадывался, какие чувства вызывает, прикасаясь к ней.

Вот это да...

С кем ее угораздило связаться?

И почему, черт возьми, ей не терпится узнать, что последует дальше?

Эмбер схватила шарфик и завязала его на шее до того, как это взбрет в голову Кадару. Она всерьез опасалась, что от этого растечется возле его ног

расплавленной лавой. Раздвинув губы в уверенной и насквозь фальшивой улыбке, она спросила:

– Так мы идем?

Глава 4

Хостел прятался в боковой улочке, но был дешевым, несмотря на близость ко многим достопримечательностям города. Эмбер наблюдала, как Кадар изучает покосившееся здание с выцветшей краской на стенах, и догадывалась, о чем он думает.

Она предупредительным жестом подняла руку:

– Не входите, я скоро. У меня не так много вещей.

Кадар не стал спорить, и Эмбер ничуть не удивилась, понимая, что такой человек вряд ли бывал в подобных местах и не испытывает соблазн расширить свой кругозор, не говоря уже о том, что он может опасаться какой-нибудь заразной болезни.

Эмбер поспешно собрала свои немногочисленные вещи, оставленные в небольшой комнате, которую она делила с несколькими постояльцами, а затем еще раз быстро проверила, все ли на месте. Список достопримечательностей. Туалетные принадлежности. Ей чуть не стало дурно, когда она не обнаружила браслет. Эмбер помнила, что утром он был, потому что она размышляла, надеть его или нет, и в конце концов не стала, решив, что он будет мешать в рукаве куртки.

Эмбер снова достала вещи из рюкзака и торопливо перебрала, холодея от страха. Уже приготовившись к тому, что придется сообщить на ресепшн о пропаже, она вытряхнула на кровать теннисные туфли, и из одной выпал браслет. С огромным облегчением Эмбер схватила его и прижала к груди...

Это было всего лишь дешевое украшение, но браслет был дорог ей, как память. Она никогда не простит себе, если потеряет его.

Спохватившись, что Кадар ждет ее, а она уже изрядно задержалась, Эмбер захихала все в рюкзак, положила браслет во внутренний карман куртки, застегнула молнии и вышла из комнаты.

Эту ночь она проведет не здесь.

Да... Как-то сложится эта ночь?

Она должна быть незабываемой, решила Эмбер.

Она шла к выходу из хостела, и в ее голове вертелись тысячи вопросов.

Могла ли прапрапрабабушка познакомиться с подобным мужчиной? Согласно семейному преданию, Эмбер Брейтуэйт была украдена и попала в рабство, но, может, она сама решила остаться здесь? Что, если она встретила мужчину, который был похож на Кадара, с глазами, обещающими ни с чем не сравнимый восторг, и он говорил слова, способные ввести в соблазн?

После сегодняшнего дня Эмбер была готова поверить во все что угодно.

Неизвестно, почему та Эмбер вернулась в Англию. Да... Сколько вопросов, на которые у нее никогда не будет ответов!.. Но главное, она здесь и, возможно, шагает по тем же самым улочкам и видит то же, что видела ее прапрапрабабушка свыше ста пятидесяти лет назад. Каким необычным в сравнении с зелеными холмами Хертфордшира должен был стать для нее Стамбул – город, в котором встретились Запад и Восток!

Но и она, плененная этим городом, будет с радостью и грустью вспоминать свою поездку в Турцию, хотя здесь не останется. Завтра ее уже здесь не будет. А учитывая, сколько времени она потратила, собирая, вытряхивая и снова собирая вещи в панических поисках браслета, удивительно, если Кадар все еще ждет ее.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/trish-mori/yantarnaya-skazka-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)